

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В.В. Набоков

ЖЕСТОКОСТЬ И МИСТИФИКАЦИЯ

Перевод Н.Г. Кротовской

Аннотация: в своих лекциях Набоков делает попытку открыть для студентов текст Сервантеса, очистив его от ханжеского вздора, насловившегося на роман в результате длительной традиции неверного прочтения, превратившего жестокую грубую книгу в благонравный миф о видимости и реальности.

Ключевые слова: филология, Дон Кихот, переосмысление, жестокость, мистификация, волшебство, видимость, реальность, иллюзия, творчество.

In: V. Nabokov. Lectures on Don Quixote, 1983.

Теперь я намерен рассмотреть тему мистификации, тему жестокости. Я поступлю следующим образом. Сперва я проведу смотр образцов жизнерадостной физической жестокости из первой части книги. Запомните, полный перечень побед и поражений Дон Кихота я назову гораздо позже — мне хочется, чтобы вы предвкушали этот подробный отчет. Пока же я предполагаю лишь слегка осветить своим маленьким факелом угол пыточной камеры и поначалу приведу образцы жизнерадостной физической жестокости из первой части. Затем я рассмотрю душевную жестокость во второй части, а так как эта душевная жестокость проявляется преимущественно в мистификациях, нам придется поговорить о различного вида чародействах и чародеях. Нашим первым чародеем окажется Санчо — и в этой связи возникнет тема Дульсинеи. Другой интересный пример — это Дон Кихот, околдовавший сам себя, эпизод в пещере Монтесиноса. Затем я буду готов обрушиться на главных чародеев второй части — на герцогиню с ее герцогом.

На мой взгляд, в нравственности нашей книги есть нечто, отбрасывающее мертвенно синий лабораторный свет на гордую плоть ее обгаренных кровью отрывков. Поговорим о жестокости.

Замысел автора, по всей вероятности, таков: следуй за мной, неблагоклонный читатель, который обожает смотреть, как живую собаку надувают воздухом и пинают ногами, словно футбольный мяч; читатель, которому приятно воскресным утром по дороге в церковь или из церкви ткнуть палкой бедного мошенника

в колодках или послать в него плевков; следуй за мной, неблагоклонный читатель, и полюбуйся, в какие изобретательные и жестокие руки предаю я своего смехотворно уязвимого героя. Надеюсь, ты по достоинству оценишь то, что я готов тебе предложить.

Неправда, что — как утверждают наши благонамеренные комментаторы, и среди них Обри Белл, — главным героем книги, образ которого возникает на ее страницах, является восприимчивый, понятливый народ, добродушный и человечный. Человечный, как бы не так! А как же ужасающая жестокость, которая — независимо от воли или желания автора — пронизывает книгу и оскверняет ее юмор? Национальный дух здесь ни при чем. Во времена Дон Кихота испанцы относились к сумасшедшим, животным, нижестоящим и бунтарям не более жестоко, чем другие народы той брутальной и блестящей эпохи. Или, если на то пошло, народы других, более поздних, более brutальных и менее блестящих эпох, когда жестокость умела прятать свои клыки. О пытках, коим был подвергнут конокрад, встреченный Дон Кихотом на дороге вместе с другими преступниками, упоминается как об обычном деле, ибо в старой Испании или старой Италии пытки применялись столь же щедро — хотя и более открыто, — как сегодня в тоталитарных государствах. Во времена Дон Кихота испанцы почитали безумие смешным, но позже (как указывает Кратч) того же мнения придерживались и англичане, нередко навещавшие Бедлам потехи ради.

Обе части романа — настоящая энциклопедия жестокости. С этой точки зрения «Дон Кихот» — одна из самых страшных и бесчеловечных из написанных когда-либо книг. И ее жестокость облачена в художественную форму. Небезызвестные комментаторы, рассуж-

дающие в своих академических шапочках о доброй и человеческой, истинно христианской атмосфере книги, о счастливом мире, где «все смягчает человечность любви и верной дружбы», особенно те из них, кто говорит о «доброй герцогине», «развлекающей Дон Кихота» во второй части, — эти мудрые эксперты, вероятно, читали какую-то другую книгу или смотрели на жестокий мир Сервантеса сквозь розовые очки. Как гласит легенда, однажды солнечным утром испанский король Филипп III (коронованный фанатик, в 1598 г. сменивший на троне своего отца, мрачного и холодного Филиппа II), выглянув с балкона, был поражен странным поведением юного студента, который, сидя с книгой в руках под сенью пробкового дуба (*quecus suber*), испуганно бил себя руками по ляжкам и то и дело разражался безудержными приступами смеха. Король заметил, что студент или безумец, или читает «Дон Кихота». Расторопный придворный побежал за ответом. Как вы уже догадались, юноша читал «Дон Кихота».

Что же вызвало этот взрыв безудержного веселья в мрачном мире короля Филиппа? Я составил полный перечень увеселений, из которого был волен выбирать жизнерадостный студент. Учтите, сейчас я рассматриваю книгу только с этой особой точки зрения; с нашим странствующим рыцарем происходит множество других вещей, о которых мы поговорим позднее. Итак, начнем с третьей главы, где хозяин постоянного двора впускает изможденного безумца лишь затем, чтобы потешиться над ним вместе со своими постояльцами. Мы визжим от восторга, читая, как дюжий сельчанин хлещет ремнем полугололого мальчугана. В четвертой главе мы снова корчимся от смеха, когда погонщик молотит беззащитного Дон Кихота, словно сноп пшеницы. В восьмой главе мы хохочем до колик, когда слуги путешествующих монахов, не оставив в бороде Санчо Пансы ни единого волоса, осыпают его пинками. Какой разгул, какая потеха! В пятнадцатой главе погонщики так колотят Росинанта, что тот едва живой валится на землю — но вам не стоит беспокоиться, через минуту кукловод оживит своих говорящих кукол.

Пусть Дон Кихоту и не ставят клистира из ледяной воды с песком, как одному из персонажей рыцарских романов, на его долю выпадает достаточно злключения. Физические страдания Санчо Пансы в той же пятнадцатой главе вызывают у нас очередной приступ хохота. К тому времени Дон Кихот уже потерял половину уха — что может быть смешнее, чем потерять пол-уха, разве что потерять три четверти. А теперь пересчитайте, пожалуйста, удары, полученные им за сутки: 1) град палочных ударов, 2) удар по скуле

в гостинице, 3) удары чем попало в темноте, 4) удар железным светильником по голове. И следующий день приятно начинается с потери почти всех зубов, когда пастухи принимаются швырять в Дон Кихота камни. В семнадцатой главе веселье явно бьет через край, в знаменитой сцене подкидывания на одеяле, когда ремесленники — сукноделы и игольщики, «все, как на подбор, шутники, затейники, озорники и проказники» — развлекаются за счет бедняги Санчо, подбрасывая его на одеяле, как собаку на карнавале, — прекрасный пример человеческих и веселых нравов. Юный студент, за которым наблюдал король Филипп, вновь корчится от смеха, читая в восемнадцатой главе, как Дон Кихот и Санчо Пансу выворачивает наизнанку от принятого ими «бальзама». А до чего уморительна сцена с каторжниками в двадцать второй главе — еще один знаменитый эпизод. Дон Кихот спрашивает одного из каторжников, за какие грехи он вынужден избрать такой неудобный способ путешествия. За него отвечает другой невольник:

«— Этого сеньора угоняют за то, что он был канарейкой, то есть за музыку и пение.

— Что такое? — продолжал допытываться Дон Кихот. — Разве музыкантов и певцов тоже ссылают на галеры?

— Да, сеньор, — отвечал каторжник. — Хуже нет, когда кто запоем с горя.

— Я слышал, наоборот, — возразил наш рыцарь, кто песни распевает, тот грусть-тоску разгоняет.

— Ну, а тут по-другому, — сказал каторжник, — кто хоть раз запоем, тот потом всю жизнь плакать будет.

— Ничего не понимаю, — сказал Дон Кихот.

Но тут к нему обратился один из конвойных:

— Сеньор кавальеро! *Петь с горя* на языке этих нечестивцев означает признаться под пыткой. Этому грешника пытали, и он сознался в своем преступлении, а именно в том, что занимался конокрадством, сиречь крал коней, и как скоро он признался, то его приговорили к шести годам галер и, сверх того, к двум сотням розог, каковые его спина уже восчувствовала. Задумчив же он и грустен оттого, что другие мошенники, как те, что остались в тюрьме, так и его спутники, обижают и презирают его, издеваются над ним и в грош его не ставят, оттого что он во всем сознался и не имел духу отпереться. Ибо, рассуждают они, в слове *не* столько же букв, сколько в *да*, и преступник имеет то важное преимущество, что жизнь его и смерть зависят не от свидетелей и улик, а от его собственного языка. Я же, со своей стороны, полагаю, что они недалеки от истины».

Таков веселый и человеческий мир некоторых наших благонамеренных критиков.

Посмотрим, что еще вызывает бурную радость юного студента. Физическая жестокость — штука, спору нет, забавная, однако душевная жестокость может быть еще смешнее. В тридцатой главе действует очаровательная молодая девица по имени Доротея, любимица специалистов по Сервантесу; разумеется, эта девица, будучи особой находчивой и остроумной, не могла не понять, какие великолепные возможности развлечься сулит безумие Дон Кихота, и не пожелала отстать от других. Не пожелала отстать от других. Умная, милая, жизнерадостная Доротея!

В сорок третьей главе мы вновь оказываемся на заколдованном постоялом дворе — *венте*, — где происходит еще одна сценка, способная до смерти рассмешить читателя. Дон Кихот встает на седло своего коня, чтобы дотянуться до зарешеченного окна, за которым, по его представлению, находится изнемогающая от любви дева; служанка же, притворившись госпожой, накидывает ему на запястье недоуздок Санчо-Пансова осла, и когда Росинант чуть отходит в сторону, Дон Кихот два часа висит на одной руке, смятенный, охваченный отчаянием, и ревет как бык, а тем временем служанка и дочь хозяина, и вместе с ними тысячи читателей, заходятся от смеха, как, вероятно, заходились от смеха многие в толпе, когда за шестнадцать веков до этого страждущему Богу вместо воды подали укус.

Приключения на постоялом дворе кончаются тем, что Дон Кихота связывают и запирают в клетку, которую священник с цирюльником грузят на запряженную волами телегу, намереваясь отвезти своего друга домой, а там уж взяться за его лечение. Теперь мы приближаемся к последнему сражению в первой части. Оно происходит в пятьдесят второй главе. Сопровождающий Дон Кихота священник вступает в беседу с ученым и любезным каноником; остановившись отдохнуть у дороги, они выпускают из клетки Дон Кихота, желая развлечься, — как говорится, подшутить над ним. За трапезой Дон Кихот, затеяв ссору с подошедшим козопасом, швыряет ему в лицо буханку хлеба. Пастух пытается задушить Дон Кихота, но тут на помощь своему господину приходит Санчо и валит обидчика на скатерть, давя и разбрызгивая все, что на ней стояло. Дон Кихот снова бросается на пастуха, который с окровавленным лицом — след колотушек Санчо — ползает на четвереньках по скатерти в поисках ножа.

А теперь полюбуемся на доброго каноника, доброго священника и доброго цирюльника, памятуя о том, что каноник — это сам Сервантес под маской представите ля духовенства, а священник с цирюльником — ближайшие друзья Дон Кихота, желающие излечить его от безумия. Каноник и священник мешают

козопасу схватить нож, однако цирюльник помогает ему подмять Дон Кихота под себя, на рыцаря сыплется град колотушек, а по лицу течет не меньше крови, чем у его врага. Надо полагать, цирюльник делает это потехи ради. Теперь взгляните на других. Каноник со священником покатываются со смеху; стражники подпрыгивают от удовольствия — дерущихся науськивают друг на друга, словно грызущихся собак. На этой знакомой ноте — нет ничего смешнее собаки, которую мучают на залитой солнцем улице, — на этой ноте и кончается первая часть «Дон Кихота». Наш юный студент совершенно изнемог от смеха, свалился со своей скамейки. Оставим его там лежать, хотя нам предстоит еще вторая часть, читая которую вы будете просто визжать от радости.

Не стоит думать, что симфонию душевной и физической боли, исполненную в «Дон Кихоте», можно сыграть лишь на музыкальных инструментах далекого прошлого. И не думайте, что сегодня эти струны боли звучат лишь в далеких тираниях за железным занавесом. Боль все еще с нами, вокруг нас, среди нас. Я не имею в виду такие восхитительные детали наших фильмов и комиксов, как затрешины, расквашенные носы и удары в пах — хотя им тоже отведено особое место в истории боли. Я говорю о еще более обыденных вещах, происходящих и при наилучшей форме правления. Время от времени в наших школах дети, непохожие на своих сверстников, терпят от них те же издевательства, что и Чайльд Кихот от своих волшебников; время от времени дюжие полицейские бьют по голяшкам белых и цветных бродяг с тем же упоением, с каким лупили облаченного в доспехи скитальца и его оруженосца на дорогах Испании.

Но обратимся ко второй части нашей смешной и человечной книги. По сравнению с забавами первой части веселая жестокость второй поднимается на более высокий и более дьявольский уровень душевной жестокости и опускается на невероятные глубины грубости физической. На первый план выходит тема мистификации; чародеям и чародейству нет числа. Я намерен путешествовать по второй части книги под их флагом. Колдунов, разумеется, хватало и в первой части: сам Санчо выступил в роли чародея, когда повез искаженное послание к несуществующей Дульсине. В сущности, Санчо довольно ловко разыграл Дон Кихота, сказав, что видел не принцессу Дульсинею, а тобосскую девушку Альдонсу, которую на самом деле он не потрудился навестить. Итак, обратите внимание на то, что в первой части именно Санчо кладет начало сказке о заколдованности Дульсинеи, ее превращении из принцессы в конкретную или обобщенную крепостянку.

Вторая часть начинается с попытки Санчо приложить руку ко второму акту колдовства согласно тому же методу. Ему удастся убедить своего господина к этому времени свою жертву, — что одна из трех встреченных ими крестьянских девушек (среди которых нет Альдонсы) и есть околдованная Дульсинея.

В конце восьмой главы второй части Дон Кихот с Санчо Пансой подъезжают к Тобосо, где им предстоит отыскать Дульсинею. И рыцарь, и его оруженосец втайне волнуются за нее. Дон Кихот — потому, что ясные небеса его безумия омрачены в высшей степени неясным и в высшей степени тайным сомнением; оруженосец же — потому, что никогда не видел Дульсинеи, но обманул своего господина, сказав, будто он передал ей письмо, — в первой части. В следующей главе они, спотыкаясь впотьмах, разыскивают в глухом закоулке ее дворец. С наступлением рассвета Санчо предлагает Дон Кихоту укрыться в лесу, а сам отправляется на поиски Дульсинеи. Не показывать Дульсинею в первой части — гениальный прием. Выведет ли Сервантес ее на сцену теперь?

Как и в первой части, Дон Кихот посылает Санчо с посланием к Дульсинее, которое тот не сумеет передать и на этот раз. Вот замечательный отрывок из десятой главы:

«— Поезжай же, сын мой, — молвил Дон Кихот. — И не смущайся, когда предстанешь пред светозарной красотой, к которой я посылаю тебя. О блаженнейший из всех оруженосцев на свете! Напряги свою память, и да не изгладится из нее, как моя госпожа тебя примет: изменится ли в лице, пока ты будешь излагать ей мою просьбу; встревожится ли и смутится, услышав мое имя; откинется ли на подушки в случае, если она сообразно с высоким своим положением будет восседать на богато убранном возвышении; если же примет тебя стоя, то понаблюдай, не будет ли переступать с ноги на ногу; не повторит ли свой ответ дважды или трижды; не превратится ли из ласковой в суровую или же, напротив того, из угрюмой в приветливую; поднимет ли руку, чтобы поправить волосы, хотя бы они и были у нее в полном порядке». (Прелестная деталь.)

Санчо отправляется в путь. Он видит трех крестьянок верхом на ослицах и тотчас спешит к Дон Кихоту, который тем временем вздыхает и изливает душу в любовных жалобах.

«— Ну, что, друг Санчо? Каким камушком отметить мне этот день: белым или черным?

— Лучше всего, ваша милость, красным, — отвечал Санчо, — каким пишут о профессорах, чтобы надписи издали были видны.

— Значит, ты с добрыми вестями, — заключил Дон Кихот.

— С такими добрыми, — подхватил Санчо, — что вашей милости остается только дать шпоры Росинанту и выехать навстречу сеньоре Дульсинее Тобосской, которая с двумя своими придворными дамами едет к вам на свидание.

И она сама и ее придворные дамы в золоте, как жар горят, унизаны жемчугом, осыпаны алмазами да рубинами, все на них из парчи больше чем в десять нитей толщины, волосы — по плечам, ветерок с ними играет, все равно как с солнечными лучами».

Дон Кихот спешит ей навстречу, однако в последний момент его охватывает странная, непритворная грусть, как если бы внезапно, в этот решающий миг, у него зародилось ужасное подозрение: существует ли Дульсинея на самом деле? «Я никого не вижу, Санчо, кроме трех поселянок на ослах, — молвил Дон Кихот». Тем не менее он «опустился на колени рядом с Санчо и, широко раскрыв глаза, устремил смятенный взор на ту, которую Санчо величал королевою и герцогинею; и как Дон Кихот видел в ней всего-навсего деревенскую девку, к тому же не слишком приятной наружности, круглолицую и курносую, то был он изумлен и озадачен и не смел выговорить ни слова». Но, понуждаемый Санчо, он начинает верить, что эта пропахшая чесноком девка с тусклой рыжей шевелюрой, с волосатым родимым пятном над губой, и есть Дульсинея Тобосская, околдованная злым волшебником. И обращается к ней:

«— А ты, высочайшая доблесть, о какой только можно мечтать, предел благородства человеческого, единственное утешение истерзанного моего сердца, тебя обожающего, внемли моему гласу: коварный волшебник, преследующий меня, затуманил и застлал мне очи, и лишь для меня одного померкнул твой несравненной красоты облик и превратился в облик бедной поселянки, но если бы только меня не преобразили в какое-нибудь чудовище, дабы я стал несносен для очей твоих, то взгляни на меня нежно и ласково, и поэтому моему смиренному коленапреклонению пред искаженною твоею красотой ты поймешь, сколь покорно душа моя тебя обожает».

Решив, что над ней смеются, крестьянка, принимаемая за Дульсинею, кольнула свою ослицу острым концом палки и погнала ее вперед, но та, взбрыкнув, скинула ее на землю. «Увидевши это, Дон Кихот кинулся ее поднять, а Санчо — поправить и подтянуть седло, съехавшее ослице на брюхо. Когда же седло было приведено в надлежащий порядок, Дон Кихот вознамерился поднять очарованную свою сеньору на руки и посадить на ослицу, однако сеньора избавила его от этого труда: она поднялась самостоятельно, отошла немного назад и, взявши недурной разбег, обеими

руками уперлась в круп ослицы, а затем легче сокола вскочила в седло и села верхом по-мужски; и тут Санчо сказал:

— Клянусь святым Роке, наша госпожа легче ястреба, она еще самого ловкого кордованца или же мексиканца может поучить верховой езде! Одним махом перелетела через заднюю луку седла, а теперь без шпор гонит своего иноходца, как все равно зебру. И придворные дамы от нее не отстают: мчатся вихрем».

С этой минуты и на протяжении всей второй части Дон Кихота беспокоит мысль о том, как расколдовать Дульсинею, как вернуть безобразной крестьянке облик прекрасной Дульсинеи, которую он смутно помнит, как другую — пригожую — крестьянскую девушку из Тобосо.

Другой вид обмана: бакалавр Самсон Карраско предлагает священнику с цирюльником следующий план: переодевшись странствующим рыцарем, он нагонит Дон Кихота, затеет с ним ссору и победит в бою. А после прикажет ему возвращаться домой и оставаться там один-два года или более. К несчастью, дело принимает совершенно иной оборот: побежденным и побитым оказывается сам бакалавр. А чрезвычайно довольный Дон Кихот продолжает путь.

С точки зрения построения романа эти два обмана — обман Санчо, внушившего своему господину, что Дульсинея околдована, и обман бакалавра, прикинувшегося странствующим рыцарем, чтобы сразиться с Дон Кихотом на его фантастических условиях, — эти два обмана служат подпорками, на которых то прочно стоит, то качается вторая часть. Какой бы сюжет ни развертывался впредь, он будет развиваться на фоне страстного стремления Дон Кихота расколдовать Дульсинею; с другой стороны, мы вправе ожидать, что незадачливый Рыцарь Зеркал, жестоко избитый бакалавр, снова появится на поле брани, как только сумеет сесть в седло. Таким образом, наблюдая за различными перипетиями этой истории и различными действующими лицами, читатель может рассчитывать на появление Дульсинеи и переодетого бакалавра, когда автор сочтет это необходимым. Бакалавр вновь вступит в бой и победит; заклятие с Дульсинеи будет снято — но она так никогда и не появится на страницах романа.

Мы подошли к эпизоду в пещере Монтесиноса из второй части романа, который я намереваюсь обсудить. Затем я подвергну исследованию герцогские чары, череду мистификаций, разыгранных в герцогском дворце. И наконец, обращаю ваше внимание на несколько великих отрывков из этой книги, которые ее художественно оправдывают.

Монтесинос — герой рыцарских романов, главное действующее лицо так называемых «Баллад о Монтесиносе». (Некоторые персонажи этих баллад заколдованы валлийским волшебником Мерлином.) Этот любопытный эпизод описан в двадцать второй, двадцать третьей и на первых страницах двадцать четвертой главы; ссылки на него встречаются в последующих главах, а нечто вроде продолжения — в главах тридцать четвертой и тридцать пятой, где герцогиня с герцогом используют рассказ о приключении в пещере как основу для тщательно продуманной мистификации, жертвой которой становится Дон Кихот.

Эпизод в пещере Монтесиноса называли компромиссом с реальностью. В романе это приключение единственное в своем роде — здесь обвязанный веревками рыцарь, у которого полосы безумия чередуются с проблесками разума, не просто околдовывает сам себя, но, похоже, околдовывает намеренно. Мы никогда не узнаем наверняка, понимает ли сам Дон Кихот, что этот эпизод сочинен им с начала до конца, и в этой связи чрезвычайно интересны различные косвенные указания на состояние его ума в тот момент. Дон Кихот решает исследовать вертикальную пещеру — возможно, ствол заброшенной шахты, если мы хотим оставаться реалистами. Вход в нее преграждают заросли ежевики и дикой смоквы, и Дон Кихот прокладывает себе дорогу с помощью меча. Его опоясывают веревкой в тысячу футов или более, и он начинает спускаться в пещеру. Санчо и некий юный студент понемногу отпускают веревку. После того как они разматывали около двухсот футов веревки, наступает тишина. Наконец Дон Кихота вытаскивают вверх в блаженном обмороке. В двадцать третьей главе он рассказывает об удивительных вещах, приключившихся с ним в пещере. Там, среди прочих диковин, он видел все еще заколдованную Дульсинею, резвившуюся на лугу вместе с двумя другими поселянками, — это, несомненно, отраженный образ той самой троицы, которую Санчо вывел на сцену в предшествующей главе. В мечтах Дон Кихота Дульсинея ведет себя не как принцесса, а как крестьянская девушка Альдонса; и впрямь рассказ Дон Кихота об этой встрече не слишком почтителен. В начале двадцать четвертой главы историк, записавший это приключение, замечает, что он далек от мысли, чтобы Дон Кихот, правдивейший идальго, мог намеренно солгать. Этот эпизод прибавляет к характеристике Дон Кихота некий причудливый штрих, и комментаторы усмотрели в разноцветной темноте пещеры ряд символов, относящихся к самой сути вопроса о том, что есть реальность и что есть истина. Я лично склонен считать, что эпизод в пещере — еще один поворот, который Сервантес придает теме за-

колдованной Дульсинеи, чтобы развлечь читателя и не оставить без дела Дон Кихота. Но как расколдовать Дульсинею?

ГЕРЦОГСКИЕ ЧАРЫ

Теперь мы встретимся с главной парой злых волшебников в этой книге — герцогиней и ее герцогом. Жестокость книги достигает здесь чудовищных высот. Во второй части тема герцогских мистификаций занимает целых двадцать восемь глав (с тридцатой по пятьдесят седьмую), то есть около двухсот страниц, затем дополнительно разрабатывается еще в двух главах (шестьдесят девятой и семидесятой), после чего до конца романа остается всего четыре главы, или около тридцати страниц. Позже я вам объясню, что этот разрыв, брешь в одиннадцать глав, образовался, возможно, из-за того, что Сервантесу срочно пришлось разбираться с колдуном, появившимся в его собственной жизни, с таинственным сочинителем, опубликовавшим подложную «Вторую часть Дон Кихота», пока Сервантес писал свою вторую часть. Подложное продолжение романа впервые упоминается в пятьдесят девятой главе. Затем Сервантес вновь швыряет Дон Кихота и Санчо в пыточную камеру.

Итак, весь эпизод с герцогом и герцогиней занимает тридцать глав, почти четвертую часть книги. Герцогская тема начинается с тридцатой главы, когда Дон Кихот и его оруженосец выезжают из леса и в свете заката их взору предстает блестящая компания. Похоже, что зеленый — любимый цвет автора; прекрасная охотница, встреченная ими, в зеленом одеянии, ее иноходец — в зеленой сбруе. Дама читала первую часть приключений Дон Кихота, они с мужем горят желанием принять у себя героя книги, чтобы жестоко потешиться над ним. Эта Диана (заметим сразу, демоническая Диана) и ее муж решают потакать всем прихотям Дон Кихота и обращаться с ним как со странствующим рыцарем, соблюдая все церемонии, описанные в рыцарских романах; они прочли эти книги и полюбили их на свой вкрадчиво-плотоядный лад.

Дон Кихот приближается к ним с открытым забралом, он подает Санчо знак, что намерен спешиться, Санчо бросается поддержать ему стремя, но, спрыгивая со своего серого, оруженосец, как назло, цепляется одной ногой за веревку вьючного седла, не может выпутаться, да так и остается висеть, припав лицом и грудью к земле, — по всему роману щедро разбросаны различные символы, пародирующие пытку на дыбе (жертву вздергивают вверх на веревках, потом швыряют вниз). «Дон Кихот привык к тому, чтобы, когда он слезает с коня, ему держали стремя, и теперь он,

полагая, что Санчо уже здесь, перегнулся и потащил за собою седло Росинанта, седло же, по всей вероятности, было плохо подтянуто, ибо он, к немалому своему смущению, вместе с седлом грянулся оземь, мысленно осыпая проклятиями злосчастного Санчо, которого нога еще была в тисках». Бедняге Дон Кихоту следовало бы счесть это предостережением и дурным знаком, ибо этот эпизод зловещее начало в длинной веренице жестокостей. Но «герцог приказал своим егерям помочь рыцарю и оруженосцу, те подняли Дон Кихота, Дон Кихот же сильно ушибся при падении и прихрамывал, однако ж попытался было через силу стать на колени перед герцогом и герцогиней». Один из комментаторов романа счел благородную чету реальными людьми, герцогом и герцогиней Вильяэрмосы, но это всего лишь одна из тех подробностей, что представляют «человеческий интерес» и приводят в восторг некоторых специалистов по Сервантесу. На самом же деле дьявольская Диана и ее герцог всего лишь чародеи, придуманные главным волшебником, Сервантесом, и ничего более.

В герцогском замке Дон Кихота облачают в великолепную красную мантию. (Мне почему-то вспоминается Другой Мученик, которого также облачают в багряницу, называют Царем и над которым глумятся римские солдаты.) Столь пышный прием приводит Дон Кихота в крайнее изумление. «И тут он впервые окончательно убедился и поверил, что он не мнимый, а самый настоящий странствующий рыцарь, ибо все обходились с ним так же точно, как обходились с подобными рыцарями во времена протекшие, о чем ему было известно из романов. Он ораторствует за столом, а герцогская чета, два улыбающихся тигра, мурлыча, составляет заговор.

Теперь Сервантес начинает плести любопытный узор. В романе намечается двойное волшебство, двойные чары, которые иногда соединяются и накладываются друг на друга, а иногда действуют порознь. Первая линия чародейства — то, что детально разрабатывает герцогская чета и более или менее верно разыгрывают слуги. Но иногда слуги перехватывают инициативу, чтобы потешить и удивить своих хозяев или из-за того, что просто не в силах противиться искушению поиздеваться над тощим безумцем и толстым простаком. Когда две линии чар сливаются, придурковатый герцог и его хищная герцогиня бываю совершенно ошарашены, словно не они сами придумывали очередную мистификацию. Не забывайте, что могущество дьявола отмечено тайным изъяном — глупостью. Один или два раза слуги заходят непозволительно далеко и получают от господ наряду с аплодисментами выговор. И наконец, как мы вскоре

убедимся, дьяволица-герцогиня собственноручно попытается околдовать Дон Кихота.

Череда жестоких забав начинается с тридцать второй главы, когда невозмутимая служанка густо намывает лицо покорному Дону. Это первая шутка, придуманная слугами. В душе у господ гнев борется со смехом, они не знают, наказать ли девушек за дерзость или поблагодарить за доставленное удовольствие — лицеизреть Дон Кихота в самом что ни на есть жалком виде, с намыленным лицом и все прочее. Я полагаю, наш юный друг, студент-читатель, вновь заливается смехом. Потом повара издеваются над Санчо, пытаюсь вымыть ему лицо щелочью, а герцогиня, как мы видим, умирает со смеху. И тут же герцогиня притворно обласкивает Санчо, отводя ему роль придворного шута, а герцог обещает сделать его губернатором острова.

И Дон Кихот, и Санчо, всегда опасавшиеся колдовства, теперь, сами того не ведая, оказываются в руках волшебников — герцога и герцогини! «Великое удовольствие доставляли герцогу и герцогине беседы с Дон Кихотом и Санчо Пансою [говорится в книге]; и, утвердившись в намерении сыграть с ними шутку, которая отзывала бы и пахла приключением, порешили они ... ухватиться за нить Дон-Кихотова повествования о том, что привиделось ему в глубине пещеры. Герцог и герцогиня решили взять рассказ о пещере Монтесиноса за отправную точку жестокой мистификации, которая поистине превосходила бы все прежние забавы. Заметьте, придуманные Санчо чары тонут в новом колдовстве; более всего герцогиню забавляет безграничное простодушие Санчо — он верит в то, что Дульсинея заколдована, хотя, как известно, сам же все подстроил.

И вот, неделю спустя, отдав надлежащие распоряжения слугам, герцог с герцогиней едут с Дон Кихотом на охоту, в которой принимает участие столько загонщиков и выжлятников, сколько бывает у самого короля. Санчо это занятие не по душе, но Дон Кихот проявляет храбрость, бросается на огромного кабана и вместе с другими охотниками убивает его. Затем герцог и герцогиня разыгрывают другую шутку. Окутавшая окрестности полумгла весьма благоприятствует их затее. И вот, когда сумерки сгущаются, внезапно как бы со всех концов вспыхивает лес. (Запомните, это закат Дон-Кихотовой жизни освещает все вокруг таинственным золотисто-зеленым заревом.) Вскоре справа и слева, там и сям раздаются звуки множества рожков и других военных инструментов, словно по лесу движется неисчислимая конная рать. Со всех сторон доносятся крики, вроде тех, которые в бою испускают мавры, с ними мешаются звуки труб, охотничьих рожков и барабанный бой — все это производит страшный неумолчный

шум. (Я повторяю: герцог с герцогиней то и дело приходят в ужас от собственных выдумок — то ли потому, что слуги доводят до совершенства их замысел, то ли потому, что они сами — сущие безумцы.) Когда перед испуганными охотниками предстает кучер, одетый чертом и с огромным рогом в руках, все теряют дар речи. На вопрос герцога, кто он таков, гонец отвечает: «Я — дьявол, я ищу Дон Кихота Ламанчского, а по лесу едут шесть отрядов волшебников и везут на триумфальной колеснице несравненную Дульсинею Тобосскую. Она едет сюда заколдованная, вместе с храбрым французом Монтесиносом, дабы уведомить Дон Кихота, каким образом можно ее расколдовать».

Дульсинея будет расколдована, если — далее следует уморительная шутка, — если Санчо добровольно три тысячи раз огреет себя плетью по голым ягодицам. Иначе, прибавляет герцог, услышав это требование, ты не получишь острова. Вся эта очень глупая и очень грубая забава совершенно в духе Средневековья — как и все забавы, идущие от дьявола. Подлинный юмор приходит от ангелов. «Герцог же и герцогиня, довольные охотой, а равно и тем, сколь остроумно и счастливо достигли они своей цели, возвратились к себе в замок с намерением затеять что-нибудь новое, выдумывать же всякие проказы доставляло им величайшее удовольствие». В этом суть всех герцогских глав: получить плотоядное удовольствие от шутки и тут же придумать новую, не менее жестокую.

Я не стану останавливаться на эпизоде с дуэньей Гореваной (главы 36-41), скажу лишь, что в рассказанной ею истории волшебник Злосмрад превратил двух влюбленных в мартышку и крокодила, поставив между ними столб с надписью: «Дерзновенные эти любовники не обретут первоначального своего облика, доколе со мною [Злосмрадом] в единоборство не вступит доблестный ламанчец, ибо только его великой доблести уготовал рок невиданное сие приключение». Далее следует описание летающего коня, который должен отнести Дон Кихота в далекое царство Кандаю, где находятся влюбленные. Конем «правят с помощью колка, продетого в его лоб и заменяющего удила, и летит этот конь по воздуху с такой быстротой, что кажется, будто несут его черти. < ... > Злосмрад раздобыл его силою своих волшебных чар, и теперь он им владеет и разъезжает на нем по всему белому свету: нынче он здесь, а завтра во Франции, послезавтра в Потоси. Но самое главное: упомянутый конь не ест, не спит, не изнашивает подков и без крыльев летает по воздуху такую иноходью, что седок может держать в руке полную чашку воды и не пролить ни единой капли — столь ровный и плавный у того коня ход». Это старая тема, подобные летательные машины

упоминаются в «Тысяче и одной ночи» и также имеют колокол на шее.

Дуэнья Горевана и ее подруги дуэньи также заколдованы: у них силою волшебства выросли бороды, которые исчезнут, если Дон Кихоту удастся расколдовать влюбленных. Тема бороды играет в книге любопытную роль (вспомните мытье бороды в начале герцогского эпизода), похоже, эта тема возникла из связанных с бритьем аллюзий в начале первой части — из всего, что связано с цирюльниками и шлемом Дон Кихота, который есть не что иное, как цирюльничий таз.

Вносят деревянного коня Клавиленю, и Дон Кихот с Санчо Пансой садятся ему на спину (последний против воли). «Оба завязали себе глаза, затем Дон Кихот, удостоверившись, что все в надлежащем порядке, тронул колокол, и едва он прикоснулся к нему пальцами, как все дуэньи и все, кто только при сем присутствовал, начали кричать:

– Храни тебя Господь, доблестный рыцарь!

– Господь с тобой, бесстрашный оруженосец!

– Вот, вот вы уже взлетели на воздух и теперь разрезаете его быстрее стрелы!

– Вот уже все, кто глядит на вас снизу, дивятся и приходят в изумление!»

Дон Кихот и Санчо беседуют друг с другом, полагая, что летят по воздуху, хотя на самом деле деревянный конь неподвижно стоит на земле. Рыцарь предостерегает Санчо: «И не наваливайся, — этак ты меня столкнешь. Право, я не возьму в толк, чего ты беспокоишься и чего ты боишься, — я готов поклясться, что ни разу в жизни не приходилось мне ездить на коне, у которого был бы такой плавный ход: кажется, будто мы не двигаемся с места. Рассей, дружище, страх: поверь мне, все обстоит как должно, и ветер дует попутный.

– Ваша правда, — подтвердил Санчо, — с этой стороны на меня дует такой сильный ветер, что кажется, будто это не ветер, а невесть сколько мехов.

И так оно и было на самом деле: поднимали ветер несколько больших мехов; герцог и герцогиня совместно с домоправителем всесторонне обдумали это приключение, и всякая мелочь была ими возведена на возможную степень совершенства.

Герцог, герцогиня, а равно и все, находившиеся в саду, от слова до слова слышали беседу двух храбрецов и были от нее в совершенном восторге; затем, вознамерившись положить конец этому необычайному и умело разыгранному приключению, они велели поднести к хвосту Клавиленю горящую паклю, Клавиленю

же был набит трескучими ракетами, и потому он тотчас же с невероятным грохотом взлетел на воздух, а Дон Кихот и Санчо, слегка опаленные, грянулись оземь». Им объявляют, что Дон Кихот одним тем, что отважился на это приключение, удовлетворил требования Злосрада, и тот по приказанию Мерлина вернул влюбленных в первоначальное состояние, а также сделал гладкими подбородки дуэний. Вся затея выглядит совершенно идиотской. Короче говоря, герцогский замок — это своего рода лаборатория, где подвергают вивисекции бедняк Дон Кихота с Санчо Пансой.

В сорок второй главе «герцог и герцогиня, довольные тем, что приключение с Гореваною так благополучно окончилось, и видя, что шутки их без малейших колебаний принимаются за правду, вознамерились шутить и дальше; того ради герцог указал и отдал распоряжение слугам своим и вассалам, как должно вести себя с Санчо, когда он начнет управлять обещанным островом, а на другой день после полета Клавиленю объявил Санчо, чтобы он привел себя в надлежащий порядок и был готов занять пост губернатора, ибо островитяне ждут его, дескать, как майского дождика». И вот Дон Кихот наставляет Санчо, как ему подобает вести себя в этой должности. Эти советы являются общим местом и следуют образцам благородных и мудрых наставлений, содержащихся в древних книгах; здесь интересно противопоставить милосердие, о котором рассуждает Дон Кихот, жестокости его мучителей. Санчо вступает в должность губернатора города, обнесенного стеной и насчитывающего до тысячи жителей, — одного из лучших владений герцога. Благодаря хорошей памяти он вершит суд с достойной Соломона мудростью.

Теперь я несколько изменю ход моего исследования, чтобы направить ваше внимание в сторону великого искусства. Мне кажется, Сервантес почувствовал, что движется по пути наименьшего сопротивления, и внезапно у нашей истории вырастает весьма необычная пара весьма необычных крыльев. Искусство умеет выходить за рамки разума. Я смею утверждать, что смех, неизбежно вызываемый плутовским сюжетом романа, погубил бы сам роман, не содержись в нем эпизодов и отрывков, которые мягко переносят или увлекают читателя в волшебный мир вечного искусства, неподвластного законам разума. И так, во второй части книги, где-то в сороковой главе, Санчо наконец получает свой остров. В сорок второй и сорок третьей главах приводятся советы, преподанные Дон Кихотом своему оруженосцу накануне его вступления в должность.

Дон Кихот прекрасно понимает, насколько Санчо ниже своего господина, однако оруженосцу благо-

волит судьба; ему же, господину, не только отказано в осуществлении главной его мечты — расколдовать Дульсинею, — с ним самим творится что-то неладное. Он познал страх. Познал горечь нищеты. Толстяк Санчо получает богатый остров, а положение тощего Дон Кихота остается тем же, что и в самом начале длинной и если оглянуться — печальной и бессмысленной череды приключений. Главная, едва не единственная цель наставлений, преподанных Дон Кихотом Санчо (как полагает тонкий испанский критик Мадариага), — подняться в собственных глазах, возвыситься над удачливым слугой.

Нужно помнить, что Дон Кихот — сам творец своей славы, единственный автор происходящих с ним чудес, и в глубине его души гнездится главный враг визионера: змей сомнения, свернувшееся кольцом осознание того, что его приключения — иллюзия. В тоне его наставлений, обращенных к Санчо, есть нечто, вызывающее в памяти образ старого, больного, безвестного, неудачливого поэта, который с пафосом поучает своего здорового, энергичного, незакомплексованного сына, как стать преуспевающим водопроводчиком или политиком. В сорок четвертой главе — которую я имел в виду, когда говорил об элементе художественной фантазии в книге, — Санчо уезжает, чтобы стать губернатором, а Дон Кихот остается один в жутком герцогском замке, который в отличие от его фантазий совершенно реален, в замке, где в каждой башне таятся острые когти, а в каждой амбразуре — клыки. Реальность отнимает у Дон Кихота его донкихотство: Санчо далеко, и Дон Кихот необыкновенно одинок. Неожиданно наступает глубокая пауза, временное затишье, воцаряется уныние. О, я знаю, Сервантес спешит сообщить читателю, грубому читателю: да, читатель, забавный толстяк-оруженосец, твой любимый клоун, отлучился, «а пока узнай, что произошло в эту ночь с его хозяином, и если ты не покатишься со смеху, то, по крайности, как мартышка, оскалишь зубы, ибо приключения Дон Кихота таковы, что их можно почтить только удивлением или же смехом». Разумеется, читатель-антропоид скорее всего пропустит крайне важный отрывок, к которому я теперь подхожу, пропустит, чтобы быстрее перейти к так называемому уморительному, а в сущности отвратительному, грубому и глупому эпизоду с котами.

Санчо уехал, Дон Кихот остался один, и неожиданно его охватывает пронзительное чувство одиночества и тоски, нечто вроде беспричинной ностальгии. Он удаляется к себе в комнату, отказывается от услуг, запирает дверь и начинает раздеваться при свете двух восковых свечей. Дон Кихот остается один, но шторы

на окне этой истории по обыкновению не задернуты, и сквозь оконный переплет мы различаем мерцающие ярко-зеленые чулки, которые он медленно стягивает и принимается рассматривать, точно так же, как в другой знаменитой истории, где гротеск и лирика слиты воедино — в «Мертвых душах» Гоголя, — мы видим светлое окно в ночи и блестящую кожу пары новых сапог, которыми не перестает восхищаться сонный постоялец. «Гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден еще был свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели, с тем чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук».

Но Дон-Кихоты чулки отнюдь не новы. О горе, вздыхает рассказчик, созерцая спустившиеся петли на левом чулке, который сделался похож на оконную решетку. В подавленном настроении, с тяжелым сердцем и печальными мыслями о собственной бедности Дон Кихот отправляется спать. Только ли отсутствие Санчо и спустившиеся петли на чулках вызвали эту печаль — испанскую *soledad*, португальскую *saudades*, французскую *angoisse*, немецкую *Sehnsucht*, русскую *тоску*? Мы задаемся вопросом — мы задаемся вопросом, не вызвана ли она более глубокими причинами? Давайте вспомним, что Санчо, его оруженосец, — это опора Дон-Кихотова безумия, оплот его иллюзий, и теперь Дон Кихоту невыносимо одиноко. Он задувает свечи, но ночь очень теплая, и ему не спится. Поднявшись с постели, Дон Кихот приоткрывает зарешеченное окно, выглядывает в залитый таинственным лунным светом сад, слышит женские голоса и различает голос Альтисидоры, горничной герцогини, совсем еще юной девушки, почти ребенка, которая, в соответствии с отвратительным по своей жестокости тайным планом, которому подчинены эта и последующие сцены, играет роль изнывающей от любви девицы, страстно влекомой к храбрейшему рыцарю Ламанчи.

Стоя у зарешеченного окна, Дон Кихот слышит нежные звуки арфы, от которых приходит в глубокое волнение. Его тоска, его одиночество растворяются в этой музыке, в до боли остром ощущении красоты. В глубине души он колеблется, смутное подозрение, что никакой Дульсины, возможно, нет, теперь становится более отчетливым благодаря контрасту с живой мелодией, с живым голосом; разумеется, этот живой голос обманывает его точно так же, как и мечта о Дульсине, но он хотя бы принадлежит реальной девушке, и прехорошенькой, в отличие от не-

отесанной потаскухи Мариторнес из первой части. Дон Кихот глубоко взволнован, в этот миг ему припоминаются бесчисленные приключения в том же роде: с окнами, решетками и садами, с музыкой и объяснениями в любви — словом, со всем тем, о чем он читал в рыцарских романах, представляющихся ему теперь необыкновенно правдивыми; его мечты сливаются с реальностью, оплодотворяют ее. И голос юной Альтисидоры (с раскатистым «р» Реальности), звучащий так близко, в саду, на миг затмевает в его сердце образ Дульсины Тобосской со всеми легковесными лепечущими «Л» лживой иллюзии. Но присущая Дон Кихоту скромность, его чистота и восхитительное целомудрие истинного странствующего рыцаря — все это оказывается сильнее его человеческих чувств, и, дослушав песню, он захлопывает окно и, удрученный еще более, «как если бы, — говорит Сервантес, — на него свалилось большое несчастье», отправляется спать, оставив сад светлякам и жалобному женскому пению, а богатый остров — румяному оруженосцу.

Это восхитительная сцена — одна из тех, что призывают в помощники воображение и предлагают больше, чем в них содержится на первый взгляд: костлявый тоскующий рыцарь, предающийся мечтам, брошенные на пол изумрудные чулки со спущенными петлями, зарешеченное окно, теперь захлопнутое, теплая испанская ночь, которая вот уже три века служит питательным раствором для романтических стихов и прозы на всех языках, и пятидесятилетний Дон Кихот, сражающийся с одним обманом с помощью другого, — меланхоличный, несчастный, искушаемый, взволнованный мелодичными стонами крошки Альтисидоры.

Но вернемся в пыточную камеру. На следующий вечер Дон Кихот просит принести ему лютию и поет романс, который он сам предварительно сочинил, чтобы отпугнуть Альтисидору своей верностью Дульсине, «как вдруг с галереи, находившейся прямо над его окном, спустилась веревка с бесчисленным множеством колокольчиков, а вслед за тем кто-то вытряхнул полный мешок котов, к хвостам которых также были привязаны маленькие колокольчики. Звон колокольчиков и мяуканье котов были до того оглушительны, что оторопели даже герцог с герцогиней, которые все это и затеяли, а Дон Кихот в испуге замер на месте; и нужно же было случиться так, что некоторые из этих котов пробрались через решетку в Дон-Кихотов покой и заметались туда-сюда, так что казалось, будто в комнату ворвался легион бесов. Коты опрокинули свечи, горевшие в комнате, и все носились и носились в поисках выхода ... Дон Кихот же вскочил, выхватил меч и стал наносить удары через решетку, громко восклицая:

– Прочь, коварные чародеи! Прочь, колдовская орава! Я Дон Кихот Ламанчский, и, что бы вы ни злоумышляли, вам со мною не справиться и ничего не поделать.

Тут он накинудся с мечом на котов, метавшихся по комнате, и начал осыпать их ударами; коты устремились к решетке и выпрыгнули через нее в сад, но один кот, доведенный до бешенства ударами Дон Кихота, бросился ему прямо на лицо и когтями и зубами впился внос. Дон Кихот же от боли закричал не своим голосом. У слышав крик и тотчас сообразив, в чем дело, герцог и герцогиня поспешили на место происшествия и, общим ключом отомкнув дверь в покой Дон Кихота, увидели, что бедный рыцарь изо всех сил старается оторвать кота от своего лица. < ... >

Но кот, не обращая внимания на угрозы, визжал и еще глубже запуская когти; наконец герцог отцепил его и выкинул в окно. У Дон Кихота все лицо было в царапинах, досталось и его носу, однако ж он весьма досадовал, что ему не дали окончить ожесточенную битву с этим злодеем-волшебником». На следующем сеансе пыток, когда донья Родригес просит его вступить за ее дочь, двери в комнату с шумом распахиваются, и в темноте его принимается щипать сама герцогиня.

Тем временем Санчо мудро правит своим островом, пока слуги герцога не разыгрывают нападение на город — так герцог с герцогиней решают напоследок подшутить над беднягой Санчо. Примечательно, что сами они не присутствуют при пытке, но получают положенное удовольствие от подробного отчета о происшедшем. Ложные защитники города призывают Санчо вооружиться и встать во главе войска. Перепуганный Санчо отвечает: «Ладно, вооружайте меня». К груди и спине ему приставляют два щита, крепко стягивают их веревками, так что он не может сделать ни шагу, а затем призывают возглавить горожан. Начинается битва, во время которой по Санчо яростно колотят мечами, пока он беспомощно лежит на полу. Когда щиты с него наконец снимают, он лишается чувств. Придя в себя, Санчо осведомляется, который час; ему отвечают, что уже светает, и неприятель разбит. Ни о чем более не спрашивая, он в полном молчании начинает одеваться, а все присутствующие смотрят на него, не понимая цели столь поспешного одевания. Эта тишина напоминает нам о том, как один дюжий школьник мучил слабого толстого мальчика, и теперь в тишине Санчо поднимается и вытирает лицо. Еле передвигая ноги, он направляется к конюшне, остальные следуют за ним. Там он обнимает своего серого, седлает его и начинает ласково с ним беседовать, в то время как окружаю-

щие хранят молчание. Затем с немалым трудом и немалыми мучениями он взбирается на осла и обращается к ним со словами: «Дайте дорогу, государи мои! Дозвольте мне вернуться к прежней моей свободе. Дозвольте мне вернуться к прежней моей жизни, дабы я мог восстать из нынешнего моего гроба!» — тон почти прустовский. В этой сцене Санчо проявляет достоинство и сдержанную печаль, сравнимые с меланхолическими чувствами его господина.

Вот первые строки пятьдесят седьмой главы: «Дон Кихот уже начинал тяготиться тою праздною жизнью, какую он вел в замке; он полагал, что с его стороны это большой грех — предаваясь лени и бездействию, проводить дни в бесконечных пирах и развлечениях, которые для него, как для странствующего рыцаря, устраивались хозяевами, и склонен был думать, что за бездействие и праздность Господь с него строго взыщет, — вот почему в один прекрасный день он попросил у их светостей позволения уехать. Их светлости позволили, не преминув, однако ж, выразить глубокое сожаление по поводу его отъезда». На пути в Барселону Дон Кихот встречает доблестного разбойника Роке Гинарта, который, желая повеселить своих друзей, помогает ему с Санчо Пансой добраться до города. Там их встречает друг Роке, дон Антонио Морено; когда они въезжают в город, прокладывая путь через толпу, мальчишки, задрав хвосты ослику и Росинанту, суют туда по пучку дикого терна. Животные начинают брыкаться и вставать на дыбы и в конце концов сбрасывают седоков на землю. Над этой шуткой путь смеются те, кому нравится смотреть, как брыкаются лошади на коммерческих родео — а брыкаться их заставляют специальные раздражающие кожу подпруги.

В Барселоне заботу о Дон Кихоте берет на себя еще один добрый волшебник. Дон Антонио «был кавальеро богатый и остроумный, любитель благопристойных и приятных увеселений; заманив Дон Кихота к себе в дом, он стал искать способов обнаружить перед всеми его сумасбродство...» Первым делом он велит снять с Дон Кихота доспехи, а когда тот остается в одном своем узком верблюжьем камзоле, выводит его на балкон, выходящий на людную улицу, напоказ всему народу и мальчишкам. Дон Кихот стоит, а мальчишки глазят на его камзол и меланхолическую фигуру — не хватает лишь тернового венца. Днем Дон Кихота берут прокатиться по городу в таком толстом плаще, «под которым в то время года вспотел бы даже лед». К спине ему прицепляют кусок пергамента, на котором крупными буквами выведено: «Царь...» — простите — «ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ». «Во все время прогулки надпись эта неизменно привлекала к себе внимание прохожих, — они читали вслух: “Дон Кихот

Ламанчский”, а Дон Кихот не уставал дивиться: кто, мол, на него ни глянет, всякий узнает его и называет по имени; и, обратясь, к дону Антонио, ехавшему с ним рядом, он наконец сказал:

– Великим преимуществом обладает странствующее рыцарство: всем известно, кто на этом поприще подвизается, оно приносит всемирную известность и славу. В самом деле, сеньор дон Антонио, подумайте: в этом городе даже мальчишки и те меня знают, хотя никогда прежде не видели».

Потом, за ужином, две дамы-озорницы заставляют неловкого и усталого Дон Кихота танцевать, и наконец, измученный и раздосадованный, он опускается посреди зала на пол, а сердобольный дон Антонио, увидев, что из страдальца больше нечего выжать, приказывает слугам отнести его в постель.

Но герцог с герцогиней не забыли о Дон Кихоте и Санчо. В шестьдесят восьмой главе, чтобы продолжить забаву, они посылают вооруженных всадников с приказом вернуть их назад. Верховые находят рыцаря с оруженосцем на проселочной дороге и, угрожая им смертью и бранясь, доставляют в замок, в котором Дон Кихот узнает замок герцога. Всадники спешиваются, подхватывают на руки Дон Кихота и Санчо и несут во двор. «...Кругом всего двора пылало около ста факелов, державшихся на подставках, в галереях же горело более пятисот плашек... <...> Посреди двора возвышался катафалк высотой примерно в два локтя, под широчайшим черным бархатным балдахином, ступеньки вокруг всего катафалка были уставлены белыми восковыми свечами в серебряных канделябрах, числом более ста, а на самом катафалке виднелось тело девушки, столь прекрасной, что даже смерть бессильна была исказить прекрасные ее черты. Голова ее в венке из самых разнообразных душистых цветов покоилась на парчовой подушке, а в руках, скрещенных на груди, она держала желтую пальмовую победную ветвь». Это Альтисидора в образе мертвой царевны или спящей красавицы.

После пышной церемонии, пения и речей персонажей, изображающих Радаманта и Миноса, выясняется: чтобы расколдовать Альтисидору и вернуть ее к жизни,

Санчо придется получить несколько щелчков по носу и несколько щипков. Несмотря на его протесты, появляются шесть дуэний, которым Санчо по настоянию Дон Кихота позволяет щелкать себя по носу и щипать, «но чего Санчо никак не мог снести, это булавочных укулов: он вскочил с кресла и, доведенный, по-видимому, до исступления, схватил первый попавшийся пылающий факел и ринулся на дуэний и на всех своих палачей с криком:

– Прочь, адовы слуги! Я не каменный, таких чудовищных мук мне не вынести!

В это мгновение Альтисидора, по всей вероятности уставшая так долго лежать на спине, повернулась на бок, при виде чего все присутствующие почти в один голос воскликнули:

– Альтисидора оживает! Альтисидора жива!

Радамант велел Санчо утихомириться, ибо то, ради чего он пошел на пытки, уже, мол, свершилось!».

Наступает ночь, и пока Дон Кихот и Санчо спят, Сервантес под шелковой маской арабского историка Сида Ахмета замечает, «что шутники были так же безумны, как и те, над кем они шутили, ибо страсть, с какою герцог и герцогиня предавались вышучиванию двух сумасбродов, показывала, что у них у самих не все дома». Шестидесят девятая глава, в которой описан этот только что рассказанный нами эпизод, называется: «О наиболее редкостном и наиболее изумительном из всех происшествий, какие на протяжении великой

этой истории случались». Похоже, автор убежден: чем пышнее зрелище, которое разворачивается на сцене, чем больше в нем статистов, костюмов, света, королей, королев и т.д., тем больше оно поразит читателя (как и нынешнего кинозрителя).

И наконец, последний обман. Хлеща в темноте по деревьям, Санчо заставляет своего господина поверить, будто он бичует себя, чтобы расколдовать Дульсинею, — будто необходимое количество плетей уже отпущено и где-то во мраке колдовство с Дульсинею уже снято. Звезда, внезапно вспыхнувшее небо, упоение победой, торжество. Мне хочется, чтобы вы обратили внимание вот на что: порка буковых деревьев производится тем же самым недоуздом, что и в двух предыдущих сеансах чародейства — в двадцатой главе первой части, где Санчо околдовывает Росинанта накануне приключений с сукновальнями, и в сорок третьей, где служанка Мариторнес подвешивает Дон Кихота на окне постоянного двора.

Список литературы:

1. Nabokov V. Lectures on Don Quixote. San Diego: Harcourt, 1983.